

В.С.Малахов,
кандидат философских наук.
Институт философии РАН

Культурный плюрализм: благое пожелание или работающая модель?¹

Когда говорят о культурном плюрализме, имеют в виду три типа обществ:

- полилингвистические (Швейцария, Бельгия, Канада, а также Эльзас во Франции, Южный Тироль в Италии и т.п.);
- общества со значительной долей автохтонного населения (индейцы в США и Канаде, аборигены в Австралии);
- общества с большой долей иммигрантского населения (большинство индустриально развитых стран).

Нетрудно заметить, что Россия подходит под все три из указанных типов.

Прежде чем приступить к непосредственному обсуждению темы, позволю себе сделать несколько оговорок. Строго говоря, тема культурного плюрализма вряд ли стала бы широко и всерьез

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда Д. и К.Макартуров.

обсуждаться, если бы не феномен иммиграции. Хотя в ряде государств появление этой темы в публичных дискуссиях было вызвано причинами другого рода¹, именно массовый приток в страны Запада иммигрантов из "третьего мира" (формально — в качестве "гостевых рабочих", фактически — на постоянное жительство), а значит, людей, отделенных от местного населения огромной культурной дистанцией, — поставил перед обществами и государствами принимающих стран ряд острых социальных, экономических, политических и правовых проблем.

Необходимо также отметить, что термин "культурный плюрализм" имеет своим референтом и *культурное многообразие*, и совокупность *политик*, нацеленных на поощрение и организацию этого многообразия. Я буду иметь в виду "культурный плюрализм" во втором смысле.

Еще одна оговорка касается содержания предиката "культурный": в него я включаю (как это часто делается в международной литературе) и этническое, и языковое, и конфессиональное, и жизненно-стилевое многообразие².

Основная проблема, связанная с проведением политики культурного плюрализма, может быть сформулирована следующим образом: как обеспечить национальную (в государственном, а не этническом значении, разумеется) интеграцию в условиях культурной неоднородности населения? Как сформировать единую гражданско-политическую лояльность в условиях серьезных различий в культурных идентичностях?

Существует несколько подходов к решению этой проблемы:

— ассимиляционистский (классический случай — Франция);

— сегрегационистский (классический пример — Германия);

— плюралистический (в силу различных пониманий природы последнего однозначных примеров приводить пока не будем).

Кратко охарактеризуем содержание первого и второго подходов. Франция потому может служить иллюстрацией первого подхода, что ассимиляция предполагается распространенной здесь моделью нации — "республиканской" моделью. Сущностная черта данной модели — индифферентность к этническим, языковым и прочим различиям в рамках национального сообщества, понимаемого в гражданско-политических терминах. Принадлежность Нации со времен Великой французской революции есть в первую очередь принадлежность Республике. Француз — это прежде всего гражданин Республики, индивид, лояльный республиканским идеям (свободы, равенства и братства). Вместе с тем лояльность

¹ В США о культурном плюрализме ("мультикультурализме") заговорили в связи с неинтегрированностью в общество чернокожего населения страны, в Канаде — в связи с угрозой квебекского сепаратизма.

² См.: *Goldberg D.Th.* Introduction: Multicultural Conditions // *Multiculturalism: A Critical Reader* / Ed. D.Th.Goldberg. Oxford: Blackwell Publishers, 1994. P. 1-45.

республике имплицитно содержит культурную лояльность: гражданин республики не может не разделять базисных республиканских (демократических) ценностей, а практиковать эти ценности опять-таки можно лишь при условии принадлежности национальному сообществу, но понимаемому уже в *культурных* терминах (как сообществу, существующему на основе общего языка и "культуры"). Вот почему от иммигрантов ожидается полное растворение в последнем через акультурацию. Интеграция мигрантов во Францию мыслилась, по сути, как их ассимиляция¹. В Германии, напротив, глубоко укоренена этническая концепция нации как сообщества происхождения. Согласно этому предположению, немцем можно только родиться. Стать немцем до недавних пор было практически невозможно². В интеграцию мигрантов здесь с самого начала никто не верил. Отсюда и произошло, что дети и даже внуки мигрантов, которые во Франции, как и в большинстве других европейских стран, не говоря уже о Северной Америке, автоматически становились бы гражданами, в Германии считаются иностранцами. Процедура натурализации здесь затруднена настолько, что большинство иммигрантов предпочитают немецкому паспорту постоянное продление вида на жительство.

В высшей степени любопытно, что оба подхода — при всех различиях между ними — исходят из одного и того же понимания сущности национального государства. Назовем это понимание традиционным и отошлем к Дж.С.Миллю, первым сформулировавшему и обосновавшему мысль, согласно которой условием эффективного демократического правления является культурная гомогенность населения государства³.

Однако в определенный момент и тот и другой подход начинают давать сбои. И в публичных дискуссиях, и в сознании истеблишмента западноевропейских стран к середине 80-х годов прочно утверждается осознание того обстоятельства, что установка на национальную общность как общность (этно)культурную неэффективна. В ФРГ, в частности, становятся очевидными негативные результаты политики негласной сегрегации, практиковавшейся с середины 50-х годов.

Это, во-первых, социальная маргинализация иммигрантов. Они сосредоточены в особых, бедных районах; не получают образования, адекватного потребностям развитого индустриального общества, что влечет за собой воспроизводство неполноценного статуса. В результате *социальное исключение* приобретает устойчивый характер. Это, в свою очередь, ведет к тому, что мигранты становятся объектами постоянных нападений неонацистов и правых экстре-

¹ См.: *Jennings J. Citizenship, Republicanism and Multiculturalism in Contemporary France // British Journal of Sociology. 2000. N 30. P. 575-598.*

² См.: *Leggewie C. Multi-Kulti: Spielregeln fuer die Vielvoelkerrepublik. B.: Rotbuch Verlag, 1993. S. 1-16.*

³ См. *Милль Дж.С. Размышления о представительном правлении. СПб., 1867.*

мистов. В качестве ответа на насилие происходит, особенно среди молодежи, реактивная мобилизация, которая сопровождается формированием *реактивной идентичности*. Организуется же такая идентичность вокруг религиозных или религиозно-этнических символов.

Во Франции также не удастся избежать маргинализации мигрантов. Несмотря на формально равный гражданский статус, полноправными членами национального сообщества — ни в социальном, ни в культурном, ни в политическом отношении — мигранты не становятся. Они, кстати, постоянно выступают мишенью для расистов, независимо от того, есть или отсутствует у них французский паспорт. Расизм порождает антирасизм, а последний — появление в иммигрантской среде экстремистских организаций. Результат: ухудшение криминогенной ситуации, усиление социальной напряженности¹.

Подытожим факторы, в силу которых установка на формирование культурно однородной нации—государства кажется все более бесперспективной:

— масштабное усиление иммиграционных потоков, "мейн-стрим" в которых составляют люди из регионов, в культурном отношении глубоко отличных от принимающих стран; при этом отказаться от иммиграции по экономическим и демографическим причинам невозможно;

— в условиях острой конкуренции на рынке труда и жилья приток мигрантов влечет за собой рост социальной напряженности, что проявляется в виде ксенофобии и расизма;

— расизм резко снижает шансы мигрантов на интеграцию, ведя к их геттоизации и провоцируя реактивные (в том числе религиозно-фундаменталистские) формы поведения;

— описанные выше обстоятельства имеют своим следствием расслоение общества по культурно-этническому признаку, его распад на взаимно изолированные группы (этнический и этноконфессиональный корпоративизм).

Усиление этнокорпоративистских тенденций особенно скандально во Франции (именно потому, что и официальный и публичный дискурс здесь над-этничен, нацелен на интеграцию). Институты французского общества, которые в идеале должны были служить интеграции (читай: ассимиляции) — школа, армия, профсоюзы — на деле становятся местом столкновения этнокорпоративных интересов. Или, что еще хуже, инструментом проведения таких интересов.

Осознание этого обстоятельства и приводит к тому, что в большинстве стран Западной Европы в течение последней четверти

¹ См.: *Castles St. Democracy and Multiculturalism in Western Europe // Citizenship and Identity in Europe / Ed. L.Jolmes, Ph.Murray. Gateshead, Tine & Wear: Athenaeum Press, Ltd, 1997. P. 55-72.*

века утверждаются модели культурного плюрализма, или "мультикультурного общества"¹.

Эта политика находит выражение:

— в учете этнического фактора в сфере образования и в социальной сфере (организация начального обучения детей мигрантов на языке родителей, государственная поддержка общественно-культурной деятельности ассоциаций мигрантов);

— в мерах по предупреждению проявлений расизма (от принятия жесткого антидискриминационного законодательства до подробных антирасистских инструкций для полиции);

— в квотировании, обеспечивающем доступ представителей культурных меньшинств² к высшему образованию;

— в предоставлении избирательного права меньшинствам на муниципальном уровне (в том числе негражданам).

Уместно посмотреть, как выглядит под избранным углом зрения ситуация в России.

У нас достаточно много симпатизантов, кстати, чаще неявных, модели как ассимиляции, так и сегрегации.

Российские сторонники ассимиляции полагают, что после 1991 г. у России появился исторический шанс стать национальным государством: 82% этнических русских в структуре российского населения — достаточное основание для построения такого государства. Это государство с общеобязательным культурным стандартом (традиция православия и связанных с ним ценностей), а значит, с "господствующей культурой" и с "господствующим этносом" как ее этнической основой. В русле этой логики находятся предложения о демонтаже федерации в пользу унитарного государственного устройства, а также утверждения о необходимости перехода к губернскому принципу организации политического пространства. По сути, модель ассимиляции в том или ином виде предполагает сегрегацию: не вписывающиеся в поддерживаемый государством этноконфессиональный канон 18% населения будут вынуждены либо ассимилироваться в русский народ, либо смириться с ролью граждан второго сорта.

Модель сегрегации в чистом виде разделяют ряд политических активистов этнической периферии. К ним в первую очередь относятся этнопредприниматели, рассуждающие по принципу "каждо-

¹ При этом употребление самих терминов "мультикультурное общество" или "мультикультурализм" непринципиально.

² В понятие "культурные меньшинства" включаются три типа групп: а) коренное население страны, не принадлежащее к этническому большинству; б) иммигранты и их потомки; в) группы, страдавшие в прошлом от дискриминации по этническому, расовому, религиозному и иным признакам или страдающие от нее в настоящее время.

му народу — свое государство". К этой же модели тяготеют некоторые лидеры "национально-территориальных образований", которые понимают федерацию как договор центра с "национальными" республиками и предлагают установить иерархию субъектов федерации, в которой такие республики имели бы статус более высокий, чем края и области, образованные исключительно по территориальному признаку.

Интересно, что обе эти модели вызревали в умах некоторых чиновников недавно расформированного Министерства по делам федерации и национальностей РФ.

Существует, по меньшей мере, три препятствия, из-за которых модель ассимиляции в российских условиях вряд ли удастся реализовать.

Первое из них — этнофедерализм. Эта форма государственного устройства обладает крайне высокой привлекательностью для титульного населения российских национальных республик. С этнофедерализмом прочно связаны интересы региональных элит (особенно в Татарстане, Туве, Калмыкии, Башкортостане, Чувашии и на Северном Кавказе), которые, кстати сказать, накопили в процессе переваривания "проглоченных" в начале 90-х годов суверенитетов немалые финансовые, экономические, политические и символические ресурсы. В случае силового демонтажа этнического федерализма эти ресурсы могут быть задействованы.

Второе препятствие — фактор иммиграции. По некоторым подсчетам, ежегодная потребность в миграционном притоке с учетом потребностей рынка рабочей силы и демографической ситуации составляет 2,5 млн человек в год¹. На сегодняшний день большинство трудовых мигрантов в России — выходцы из стран так называемого ближнего зарубежья, что означает сравнительно невысокую культурную дистанцию между ними и основным населением принимающей стороны. Однако с годами эта дистанция будет расти. Молодое поколение мигрантов из Закавказья и Средней Азии проходит социализацию в несоветских условиях. Это значит, что оно не имеет, в отличие от старшего поколения, необходимой языковой компетенции, не говоря о множестве отличий в навыках мышления и поведения, связанных с конфессиональной принадлежностью, воспитанием в патриархальных традициях и т.д. Кроме того, все большее число мигрантов будет прибывать из дальнего зарубежья (Вьетнам, Северная Корея, Афганистан, Китай, курдские области Ирака, Ирана и Турции). Наконец, не следует забывать, что множество таких мигрантов сконцентрировано в больших городах, и, несмотря на сравнительную немногочисленность в масштабе населения страны, образует весьма заметные сообщества в рамках российских мегаполисов.

¹ См.: Блохин А. Миграционная политика России // Этносфера. 2001. № 1 (28). С. 20-23.

Третье препятствие можно условно обозначить как *запрос на различие*. Этот феномен появился в связи с характерной для всех (пост)современных обществ борьбой за признание¹. Даже если допустить, что национально-культурное и религиозное возрождение фиктивны, даже если за риторикой мультикультурализма стоит возведение жизненно-стилевых различий в фундаментально-культурные, это не меняет того обстоятельства, что поведение самих субъектов социального действия определено представлениями о культурных различиях между ними. В России сегодня действует около 100 русских ультранационалистических организаций² и несколько десятков их полных антиподов из числа этнически нерусских³. *Большинство из них — отчаянные маргиналы, но некоторые обладают достаточно высоким потенциалом коллективной мобилизации.*

На этом наш краткий обзор перспектив модели ассимиляции в России можно завершить. Что касается сегрегационной модели, то ее неприемлемость в российских условиях достаточно очевидна.

Похоже, что единственно реалистичный выход в этой ситуации — культурно-плюралистическая модель. Почему она у нас не приживается? На мой взгляд, прежде всего потому, что Советский Союз в течение многих десятилетий воплощал в жизнь идеал этноцентристской государственности. Господствующей парадигмой советского периода (кстати, безраздельно господствующей и в постсоветской России) была "многонациональность". Именно дискурс многонациональности и блокирует продуктивную проблематизацию российской многокультурности.

Что я имею в виду под продуктивной проблематизацией культурного плюрализма и что, соответственно, считаю непродуктивной?

Непродуктивной мне представляется идеология мультикультурализма в ее этноцентристской трактовке. Дело в том, что идеологическое течение, выступающее сегодня под именем "мультикультурализм", неоднородно. Согласно известной классификации немецкого исследователя Франца-Олафа Радтке, существуют четыре типа "мультикультурализма": программно-педагогический, кулинарно-цинический, прагматически-хозяйственный и реактивно-фундаменталистский⁴. Именно последняя форма мультикульту-

¹ См.: *Taylor Ch. The Politics of Recognition // Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition / Ed. A. Gutmann. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1994.*

² См.: *Верховский А., Прибыловский В. Национал-патриотические организации в России: История, идеология, экстремистские тенденции. М.: Изд-во "Институт экспериментальной социологии", 1996; Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В. Политическая ксенофобия: Радикальные группы, представления лидеров, роль церкви. М.: Изд-во ООО "Панорама", 1998.*

³ См.: *Музаев Т. Этнический сепаратизм в России М.р. ООО "Панорама", 1999.*

⁴ См.: *Radtke F.-O. Lob der Gleich-Gueligkeit. Zur Konstruktion des Fremden im Diskurs des Multikulturalismus // Das Eigerie und das Fremde. Neuer Rassismus in der Alten Welt? / Hg. USieiefeld. Hamburg, 1991. S. 76-79.*

ралистского дискурса ответственна за то, что явление, которое каких-нибудь полтора десятилетия назад связывалось с победой демократии, в наши дни ассоциируется с этническим изоляционизмом, с добровольной геттоизацией меньшинств, с атомизацией общества, его распадом на этноконфессиональные и этнокультурные ячейки, т.е. с деструкцией гражданского общества.

Очень скоро встал вопрос о совместимости этих двух идеалов как таковых — общества "мультикультурного" и общества "гражданского".

Но есть слова и есть вещи. Есть дискурс и есть реальность. Оттого что дискурс мультикультурализма обнаружил известную неадекватность, реальность, вызвавшая его к жизни, не исчезает. Речь идет о реальности культурно неоднородного общества. Эту неоднородность нельзя устранить. Ее можно попытаться организовать. Политика культурного плюрализма и представляет собой такую попытку.

* * *

Перейдем к особенностям российской ситуации.

Главная ее особенность — в институционализации этничности¹. Этничность в нашей стране была институционализована посредством, во-первых, записи в паспортах, а во-вторых, привязки к определенной территории. Российский федерализм был и остается *этнофедерализмом*.

Отсюда проистекает этноцентричность общественно-политического дискурса в России. "Этносы" у нас воспринимаются как самостоятельные субъекты социального действия, а пространство социальной коммуникации — как место их встречи (будь то "диалог" или "конфликт"). Российское публичное пространство "разодрано" между двумя полюсами: русским национализмом, с одной стороны, и этническим изоляционизмом нерусской части населения — с другой. (Этно)национализм, пустивший глубокие корни в сознании как элит, так и рядовых россиян, блокирует обсуждение проблематики культурного плюрализма в общегражданском контексте.

На мой взгляд, отказ от модели "многонациональности" в пользу модели "многокультурности" желателен и даже необходим по нескольким причинам. Во-первых, термин "культура" гораздо менее идеологически и политически нагружен, чем термин "нация". С первым не связаны те статусные ожидания, которые обычно связываются со словом "нация". Во-вторых, культурная принадлежность является принципиально более открытой и "инклюзивной", нежели этническая. Культурная принадлежность, в отличие от этнической, не является аскриптивной характеристикой инди-

¹ См.: *Тышков В.А.* Очерки теории и политики этничности. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. С. 275-302.

вида. Она не предписывается ему от рождения. Ее выбирают. Наконец, в-третьих, культурная идентичность не привязана к территории. Она может быть реализована в рамках персональной (экстерриториальной) национально-культурной автономии.

Можно выделить, по меньшей мере, три уровня проблематики культурного плюрализма: культурологический, социологический и правовой. Первый — это уровень взаимодействия культурно-цивилизационных комплексов и культурных образцов; это то, чем занимаются историки культуры, этнографы, специалисты по сравнительному религиоведению и т.д. Второй — уровень социокультурных репрезентаций. Третий — уровень прав человека. Оставим культурологический срез проблемы специалистам в соответствующей области и попробуем взглянуть на российскую ситуацию на втором и третьем из отмеченных уровней.

Начнем с уровня социокультурных репрезентаций. В формировании российского символического пространства можно выделить несколько тенденций.

Первая заключается в представлении России вовне в качестве культурно-плюралистической страны (причем культурная плюралистичность сводится, по сути, к поликонфессиональности). Государство прибегает для такого представления к известному набору символических акций — от присутствия лидеров религиозных объединений (иудейских, мусульманских, буддийских и т.д.) на банкетах по случаю инаугурации Президента до участия высоких чиновников в празднованиях, организуемых этноконфессиональными общинами. Так, 18 сентября 2000 г. на открытии Московского еврейского общинного центра были Путин и вице-премьер правительства Москвы Ресин (тогда же Президент России посетил Синагогу в Марьиной роще); на протяжении последних восьми-девяти лет по центральным телеканалам из Московской соборной мечети транслируется богослужение, посвященное празднику Курбан Байрам, кстати, по этому поводу случаются поздравления российских мусульман от имени Президента. В районах компактного проживания мусульман губернаторы и другие представители государства участвуют в мусульманских празднествах, торжественной закладке мечетей, а Юрий Лужков — постоянный гость на праздновании Хануки в Москве. В преамбуле Конституции Калмыкии есть фраза о "колесе времен", дающая понять конфессиональную (буддийскую) идентичность этого субъекта Федерации. Определенное символическое значение имело фигурирование Союза мусульман России и движения НУР в числе общественных организаций, выставивших своих кандидатов на парламентских выборах 1995 г. и собиравших голоса (в пользу Ельцина) на президентских выборах 1996 г.¹

¹ См.: Малащенко А. Бог для России // Свободная мысль. 1996. № 8. С. 94-104.

Другая тенденция — сближение государства с Русской православной церковью (РПЦ). Симптомы этого процесса многочисленны. Это и повальное "воцерковление" чиновников, и участие Патриарха Алексия II в судьбоносных для страны мероприятиях (вспомним подписание Договора о Союзе России и Беларуси в 1996 г. и передачу власти, вместе с "ядерным чемоданчиком", от Б.Ельцина к В.Путину в 2000 г.), и особый режим, предоставляемый государством РПЦ в финансовой сфере, и объявление 7 января нерабочим днем на всей территории страны, и отправка православного военного священника вместе с российским контингентом миротворцев в Косово, и институализация казачества, демонстративно подчеркивающего свою конфессиональную принадлежность вообще и лояльность Московской Патриархии, в частности. Понятно, что развитие этой тенденции ведет к формированию образа России как преимущественно или исключительно "православной" страны¹.

Можно зафиксировать и третью тенденцию. Это наметившееся сотрудничество "православных" и "мусульманских" политических и общественных структур в разделе символического пространства. Россия представляется как цивилизационное единство из двух составляющих — русско-православной и тюрко-мусульманской. Остальным уготована участь "меньшинств". Впрочем, меньшинства, в свою очередь, иерархируются: иудеи и буддисты как представители "традиционных" конфессий наделяются статусом более высоким, чем католики и протестанты, к "традиционным" конфессиям не относимые (что выглядит странно, если учесть многовековую историю российских баптистов, адвентистов седьмого дня, лютеран, польских и немецких католиков, предки которых поселились в России в XVIII в.). Еще ниже статус представителей так называемых экзотических культов (от Церкви объединения до Общества сознания Кришны). Это просто бесконечно исчезающие величины.

Официальные СМИ охотно публикуют результаты опросов общественного мнения, согласно которым более половины населения принадлежит православию (по некоторым опросам до 70%), от 10—12 млн до 20 млн человек — исламу, на приверженцев же остальных религий приходится от одного-двух до нескольких сотых процента. Молчаливо предполагается, что в их случае мы имеем дело с явлением крайне незначительным. Между тем поддаться этой магии цифр ни в коем случае не стоит. Во-первых, приверженцев этих конфессий в абсолютном исчислении совсем немало. За цифрами 1%, 1,5% и т.п. стоят сотни тысяч и миллионы людей. Это от 1 млн. до 2 млн.

¹ О роли РПЦ в политической жизни современной России см.: *Смирнов М.* Роль Русской православной церкви на современном этапе политического развития России (1993-1997) // *Диа-логос: Религия и общество*, 1998-1999. М.: Истина и жизнь. С. 11-30; *Верховский А.* Религиозный фактор в парламентской и президентской кампаниях в России // *Диа-логос: Религия и общество*, 2000-2001. М.: Культурно-просветительский центр "Духовная Библиотека". С. 33-58.

буддистов, порядка 0,5 млн иеговистов, почти столько же баптистов¹, 1,4 млн католиков и т.д. Во-вторых, малочисленность группы в демократическом обществе не есть аргумент в пользу дискриминации ее членов. Наконец, в-третьих, в отличие от формального православия конфессионального большинства приверженцы так называемых сект обнаруживают высокую общественную активность. Они помогают бездомным и беспризорным, собирают пожертвования для ВИЧ-инфицированных, пропагандируют свои взгляды прохожим на улице, строят новые храмы.

Обратимся теперь к правовому срезу интересующей нас проблематики. Отметим здесь два принципиальных момента:

а) Законодательные инициативы, нацеленные на регламентацию культурного разнообразия и сведение его к минимуму. Так, в Думе на протяжении нескольких лет всплывает проект Закона о русском народе, одна из целей которого — юридически закрепить особый статус этнически русских как государствообразующего народа, тем самым установив своего рода иерархию общества по этническому признаку. (Иные моменты этой законодательной инициативы, связанные с поддержкой русских в ближнем зарубежье, мы здесь не затрагиваем.) Другой характерный пример — недавние попытки внести изменения в Закон "О свободе совести и религиозных объединениях". Принятие этого закона в 1997 г. сопровождалось бурными дискуссиями. Тогда дебаты велись вокруг *потенциальной* дискриминации конфессиональных меньшинств, заключенной прежде всего в преамбуле закона, где было употреблено выражение "традиционные религии". Четыре года спустя речь пошла о законодательном закреплении привилегированного положения РПЦ, а также о более жестких ограничениях для "нетрадиционных" конфессий. Одним из инициаторов нового законопроекта выступил депутат Государственной Думы от Российской христианско-демократической партии Александр Чуев, являющийся заместителем председателя Комитета по общественным объединениям и церковным организациям. После неудачи с пересмотром закона 1997 г. А.Чуев и его единомышленники выступили с инициативой нового Закона — "О традиционных конфессиях". Еще один пример в том же ряду — предложения дополнить российское законодательство специально оговариваемыми "правами народов". Второй съезд специальной организации "Ассамблея народов России" в 1998 г. принял хартию "О гражданских правах народов РФ". То, что народы здесь наделены тем же качеством субъектности, что и граждане, — не случайная оговорка или неудачная формулировка. Это еще раз подтвердилось в ноябре 2001 г. на "Гражданском форуме", когда участники секции, посвященной "национальным отношениям",

¹ На конец 90-х годов баптистов в России вместе с евангелическими христианами было 479 тыс. См.: Народы и религии мира. Энциклопедия. М: Научное издательство "Большая российская энциклопедия", 1998. С. 688.

упорно ставили вопрос о "национальных" правах как правах "наций" (они же — "этноты" и "народы") и предлагали обогатить лексикон правовой теории понятием "групповых прав"¹. Любопытно, что представители Конгресса русских общин (КРО) и активисты Конгресса национальных объединений России (КНОР) оказались единомышленниками: и для тех и для других гражданское общество — фикция. Реальное же общество они представляют в виде совокупности конкурирующих друг с другом этнических сообществ.

б) Другой феномен, на который нельзя не обратить внимание, — это ксенофобия и насилие на этнической и религиозной почве. С *одной стороны*, в регионах, населенных преимущественно русскими, представители этнических и религиозных меньшинств становятся жертвами дискриминации и прямого физического насилия. Сообщения о массовых избиениях правыми экстремистами торговцев-южан стали привычными в сводках новостей. Периодически всплывают в СМИ и сообщения о погромах на религиозной почве. С *другой стороны*, в регионах компактного проживания этнически нерусского населения (Дагестан, Тува, Татарстан и т.д.) лозунги национально-культурного возрождения умело используются для дискриминации проживающих там русских². Как отмечает известный российский правозащитник Е.В.Прошечкин, власть "то мелочно опекает все из Москвы, то отдает на откуп местным воеводам, батькам и ханам целые области, края и республики в составе Российской Федерации"³. Реакция на этнократические метаморфозы демократического (по замыслу) общественного порядка, если и случается, то бывает крайне вялой.

В заключение имеет смысл вернуться к вопросу, вынесенному в заголовок статьи. На мой взгляд, культурный плюрализм в его *этноцентристской* трактовке — это даже не благое пожелание, а одно из тех благих намерений, которыми известно куда дорога вымощена. Культурный же плюрализм в его *гражданской* трактовке — пожелание вполне благое, которое при определенных условиях могло бы стать работающей моделью.

¹ Дискуссия, ведущаяся в настоящее время между правозащитниками, отстаивающими приоритет (индивидуальных) прав человека, и адептами групповых (коллективных) прав, нашла отражение в сборнике: Право народов на самоопределение. Идея и воплощение. М. Звенья, 1997.

² Это привело в начале 90-х годов к массовому отъезду русских из этих мест, продолжающемуся до сих пор. В Туве, например, число тувинцев на 1989 г. составляло 48% населения республики, на настоящий момент из-за оттока русского населения эта цифра превышает 63%. О положении русского населения в этой республике см.: Тарасов А. Ренессанс средневековья // Московские новости. 2002. № 10 12-18 марта. С. 7. Не менее тревожные вести приходят из Дагестана, где доля русских сократилась с 20% в годы "застоя" до 5,6% в 2000 г. См.: Из интервью с главой администрации Махачкалы С.Ашировым // Россия и мусульманский мир 2001. № 11 (113) 2001. С. 55-59

³ Цит по: Музаев Т. Этнический сепаратизм в России. С. 3.